

Т. И. Дронова

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАКТИК ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПЛАЧЕЙ У СТАРОВЕРОВ-БЕСПОПОВЦЕВ УСТЬ-ЦИЛЕМЫ

На примере локальной традиции нижнепечорских староверов-беспоповцев описываются особенности позднего бытования погребально-поминальных причитаний в Усть-Цилемском районе Республики Коми. В исследовании обращается внимание на достаточно позднее изучение причеты фольклористами. Сбор причетов производился разными исследователями не систематически. Записи 1929 г. были опубликованы с комментарием лишь в 2013 г., еще одна крупная публикация текстов, собранных в 1942 г., относится к 1962 г. С разной степенью полноты причеты публиковались и в других сборниках. Преимущественно в XXI в. появляются и аналитические статьи. В настоящей статье причетная традиция рассматривается с позиции этнографического исследовательского похода, главное внимание обращается на функционирование жанра, место и роль причетов в погребально-поминальном обряде в конце XX – начале XXI в. Описываются факторы, способствовавшие приобщению причетальщиц к традиционной плачевой культуре. Приводится обрядовая терминология, устойчивые выражения, являющиеся наименованием плачей, свидетельствующие об их исполнении, а также лексика, представленная в плачах метафорическими заменами, эпитетами. Анализируется значение регулирования исполнения плачей относительно времени суток, а также рассматривается ограничение их исполнения по отдельным возрастным и социальным группам. Обращается внимание на локальную особенность исполнения плачей по усопшим, которые прижизненно проявляли неуважение к некоторым представителям семьи и являлись обидчиками, – посредством плача выражались недоброжелательные поступки и действия умершего человека. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в разные годы в усть-цилемских селах и деревнях, на опубликованных материалах и архивных источниках, хранящихся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Ключевые слова: *староверы-беспоповцы, погребально-поминальные причитания, плач, плачая, народная терминология, устный рассказ, обрядовая лексика*

Введение

Во второй половине XX в. тема ритуальных плачей становится в числе приоритетных в исследованиях фольклористов, раскрывающих поэтику причитаний, набор типичных для этой традиции формул и мотивов. Между тем Печорский край, прославившийся на рубеже XIX–XX вв. эпической поэзией, длительный период не вызывал интереса у филологов к изучению плачевой культуры, притом что в разные годы XX столетия тексты плачей исследователи фиксировали. Первооткрывателем народной усть-цилемской плачевой поэзии был Н. Е. Ончуков, записавший от одной исполнительницы девять свадебных текстов, которые были опубликованы им в 1902 г. (Ончуков, 1902: 349–352). Следующая фиксация причетов состоялась в 1929 г. А. М. Астаховой были записаны 26 погребально-поминальных плача и два рекрутских, опубликованных с комментариями Т. С. Каневой в 2013 г. (Печорские причитания, 2013: 109–146). Уникальность этих записей обусловлена не только наличием самих текстов, но и их включенностью в этнографический контекст. В заметках собирателя отражены важные сведения о терминологии плачевой культуры, оценки наставников исполнения плачей, размышления причетальщиц о состоянии усть-цилемского голошения. Ряд плачей представлен в сборниках: «Песни Печоры» (Песни Печоры, 1963), «Печорский фольклор» (Леонтьев, 1939) и «Печорские былины и песни» (Печорские былины и песни, 1962).

Особого внимания заслуживают записи плачей от усть-цилемских исполнительниц, зафиксированных в 1942 г. членами экспедиции Карело-Финского государственного университета (возглавляемой В. Г. Базановым), в годы Великой Отечественной войны вынужденно эвакуированного в г. Сыктывкар и функционировавшего при Сыктывкарском пединституте. Уникальность этих текстов определена историческим моментом – проходами на фронт усть-цилемских мужчин и совершавшихся по ним плачей. Собиратели записали 23 текста, в которых отражен трагизм мобилизации мужчин и отправки их на фронт. Вместе с тем ценность

представляют и другие плачи, записанные в усть-цилемских селениях (погребально-поминальные, автобиографические, два варианта плачей полного процесса свадебного обряда). Публикация этих текстов в 1962 г. (за исключением свадебных) была и остается самой крупной – 66 погребально-поминальных, автобиографических, семейных плача, из которых 15 по усть-цилёмам, уходящим на фронт (Русская, 1962).

Круг опубликованных источников по плачевой культуре жителей Усть-Цилемского района подробно рассмотрен в статье Т. С. Каневой (Канева, 2020: 53–70), где автор приводит и библиографический список работ по данной теме, а также свидетельствует о богатом материале по печорской причети, составляющем в общем числе не менее 500 единиц текстов, как опубликованных, так и хранящихся в архиве кафедры фольклора МГУ и Усть-Цилемском собрании фольклорного архива СГУ.

В настоящей работе на примере усть-цилемской локальной традиции рассматриваются особенности позднего бытования погребально-поминальной причети в этнографическом контексте (вторая половина XX – начало XXI в.). Главное внимание обращено на функционирование жанра, выявление терминологии, анализируется роль и значение плача в обряде, преемственность традиции.

Причеть: обрядовая терминология и бытование

В усть-цилемских селениях голошения назывались плаксы, плаксовые слова, плачи, а их исполнение – голошение, плакать голосом, плакать плаксы, голосить, оплакать/оплакивать, горе/жизнь выплакать, приплакивать: «Ране бабы так ушбаско голосом плакали. Так уш оплакивали, всю жись выплачут. И все будут плакать, слез не могут сдержать. Так за сердце и берёт» (ПМА 1); «У кого мужа на войну увезут, у кого брата увезут, у кого сына увезут, эта жэнщина плаксы плакала, умрёт ле кто-ле, тоже плаксы плакала» (СРГНП. Т. 2). Еще в середине XX в. сохранялись названия исполнительниц плачей – плакальщица, причётница, плачечя; в настоящее время эти термины уже не используются. Обычный плач без произношения слов определяли как «хлып», «хлыпью плакать»: «Мать родимую повезли – хлыпью плакала, а словами не плакала» (Печорские причитания, 2013: 133).

К. В. Чистов определил причитания как «поэтическое сознание причитывающей, находящейся в крайнем эмоциональном напряжении», которое высвечивает только определенные фрагменты действительности, имеющие особое значение для сложившейся ситуации (Чистов, 1977: 135). В нашем случае – это смерть как фактор разрушения семейной целостности; усопший, вызвавший проблемы для членов семьи и их дальнейшей жизни; вдовство и сиротство, связанное с потерей кормильца. Функция плачей заключалась не только в выплакивании горя или критичности определенного жизненного состояния, это прежде всего проявление ритуального поведения в обряде, направленного на преодоление кризисной ситуации. Несмотря на то, что обряду соответствует молчаливое поведение, нарушение этого запрета, проявлением которого является ритуальный плач, объясняется магической функцией голоса человека, являющейся приметой «“этого”, земного, звучащего мира в противоположность “тому”, потустороннему миру, лишенному звуков и голосов» (Толстая, 1999: 10). С. М. Толстая называет такое голосовое поведение «“орудием связи” между земным, человеческим миром и потусторонним миром предков» (Толстая, 1999: 135). Именно так понимали его и усть-цилемские крестьяне: на кладбище в плаче рассказывали они предкам о своем «житьи-бытьи», девушка-сирота просила благословения на брак у усопших родителей, через новопреставленного передавались приветы «родителям» и др. Вместе с тем горе было безграничным, плачи были формой оповещения о случившемся всему «белому свету» (ср.: прощание с белым светом; об этом: Дронова, 2019: 117–118). В понимании крестьянства об этом должны знать реки и горы, поэтому в часы безутешного горя плачечя выходили голосить к реке или в поле: «Вот

выйду в поле, да поплачу и вроде легче делается» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 235); в годы Великой Отечественной войны женщины *плакали плаксы* в лодке за веслами: «Елена Федоровна плач о своей жизни исполнила в лодке, когда шли под парусом» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 248).

В селах и деревнях, расположенных по р. Цильме, плач рассматривали как покаяние перед усопшим, а при определенных случаях (по утонувшему) к голошению прибегали как к средству помощи в обнаружении утонувшего: «*Человек умрет и всегда плачут, кто может голосом. Может обидели когда, оскорбили тут как прощаются. У Ксеньи Федуловой муж потонул она каждый день ходила к реке молилась и плакала и плач помог – нашли мужа и похоронила*» (ПМА 2).

Как и во всей восточнославянской традиции, на Печоре причитание являлось сугубо женским жанром (Адоньева, 2004: 216). Традиционно практика плачей для девушек начиналась со свадебных голошений; невест этому обучали молодые и пожилые женщины, которые сами являлись активными вопленицами в обряде: «В молодости она (Авдотья – Т. Д.) водила «зарученье», невест учила плакать, потом стала оплакивать умерших» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 12). По рассказам информантов, отнюдь не каждая девушка обладала талантом к исполнению плачей. В свадебном обряде нередко за невесту плакала сторонняя женщина, а она «*тихо роняла слезы*». И все же в представлении усть-цилемок, каждая женщина должна была уметь *плакать голосом* с тем, чтобы при случае оплакать близких на похоронах. В середине 1950-х гг. плакальщицами являлись женщины в возрасте от 35 лет и старше. В редких случаях, например, сиротства искусству плача приобщались в раннем возрасте. В. Базанов пишет об этом: «Авдотья Кондратьевна (Носова, 1869 г.р. – Т. Д.) в 15 лет осталась сиротой и пошла в чужие люди работницей <...> Мать у нее была мастерица-вопленица. Еще с детства Авдотья прислушивалась к плачам и запоминала их. По-настоящему она начала оплакивать с 14 лет. Первым плачем ее был плач по отцу, а потом плач по бабушке» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 12). По воспоминанию И. И. Петрашовой, плачи всегда завораживали девочек: «*Мне всегда плачи наши нравились. Хоть и не было у меня горя, а я ходила с книжкой, не помню какая книжка, но там плачи были написаны и плакала голосом. Мне было 10 лет, как на финскую войну отправляли в солдаты. Женщины плакали и мы маленькие тоже ходили, подражали, плакали. Очень нравилось*» (ПМА 3). О приобщении к плачам находим рассуждения усть-цилемских женщин, зафиксированные исследователями в разные годы. Из экспедиционных записей А. М. Астаховой 1929 г.: «Мужа увезли на войну, невестка пришла: “Научи меня плакать”. Я сказала: “Поживи, сама научишься”. Так вот пожила полгода и опосле научилась пуще меня. Горе научит, лишь бы горе было» (Печорские причитания, 2013: 136); «Природа, горе само велит приплакнуть» (Печорские причитания, 2013: 131). Из экспедиционных записей В. Базанова находим: «Само горе учит, само горе плачет», «Приплакивать Парасковья училась у матери. Она говорит: “Прилакивать-то надо не с борку, да с веретейки, а чтобы слово в слово родило”. В плачах она находит утеху и успокоение, а также большое эстетическое наслаждение» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 215). Многие современные плакальщицы на вопрос, что послужило причиной их обучению плачам, также отвечали: «*Горе научило*». Идея горя как «учителя» представлена и на вологодском материале (Югай, 2018: 42). В настоящее время в Усть-Цилемском районе владеют искусством импровизационного плача уже немногие женщины в возрасте не моложе 70 лет.

Существовали ограничения, касающиеся времени голошения. Запрещалось плакать голосом с вечера (после 18 часов) до утра (9 часов). Запрет на вечернее и ночное голошение связан представлениями о «сне/отдыхе» умерших. Например, в вечерние часы запрещалось даже говорить об усопших с тем, чтобы не тревожить их. Вместе с тем в вечерне-ночное время не возбранялось чтение псалтыря по усопшему в период его трехдневного нахождения в доме. Исключение составляла вселенская поминальная служба, совершаемая в пятницу в родительские

недели в вечернее время, на которой поминовение совершалось по всем категориям умерших, включая самоубийц. Приемлемым временем для плачей и совершения панидихных поминовений была световая часть дня, предпочтительно до обеда – с 9 до 12 часов – часть суток, называвшаяся «чистой», «чистое время», когда молились и ходили на кладбище. Сакральность этой части суток подчеркивается запретом на шум: ссоры, пляски и т. д. В день погребения плачи звучали до трех часов дня – рубежа, после которого уже не совершались погребения.

В погребально-поминальном обряде существовали возрастные ограничения оплакиваемых. Запрещалось плакать по младенцам, смерть которых считалась благой в силу их безгрешности – *аки ангелы*, имелось и житейское объяснение: *«не растили, мене жалко, а вот уж по отрокам плакали, их уже до помощников выращивали, сила уже в них была вложена»* (ПМА 4). Спокойно воспринималась смерть людей старческого возраста, выполнивших свое земное предназначение, как «отживших свое» – их смерть рассматривалась своевременной. По этой возрастной категории людей ритуальные плачи совершили преимущественно в день похорон, и плачи были менее надрывными. Большое неутешное горе выпадало в случае преждевременной смерти людей, особенно, когда в семье были малые дети. В таких ситуациях погребальные плачи начинали исполнять сразу после наступления смерти, в них преимущественно выражалось сетование на предстоящую горестную жизнь семьи без кормильца или без материнской заботы. Иногда оплакивания начинались сразу после омовения усопшего и укладывания его на лавке, они могли быть единичными и неежедневными. В день похорон плачи исполняли с утра до момента захоронения и прерывались на период совершения молитвы/службы и трапезы.

Мастера исполнения плачей в день похорон оплакивали тех, кто, по их мнению, был достоин этого. В числе почитаемых были люди с безупречной репутацией: искусные мастера своего дела, заступники сирот и немощных, словом, люди, много потрудившиеся на благо других, достойные семьянины. На погребении таких людей плачи звучали непрерывно, плакальщицы сменяли друг друга. Считалось необходимым совершить плач по близким людям (мужу, матери, отцу, свекрови, сыну, дочери). Традиционно в день похорон *плаксы* звучали из уст бывалых плакальщиц, тогда как в течение трехдневного пребывания усопшего в доме «вопить» могли и новички: дочери по матери, жена по мужу, мать по детям и др. – в этом случае говорят о плакальщице без должного опыта, что она *приплакиват*. В культуре усть-цилемских староверов исполнение плачей жительницами селений совершалось на безвозмездной основе. Бывало, что на похоронах плакальщиц было несколько, каждая из которых своим голошением воздавала исключительно дань и почтение усопшему. По воспоминаниям информантов, в годы советского периода плакальщиц приглашали специально оплакать умершего, который не преуспел в добрых делах и не оставил о себе доброй памяти, в особенности это касалось людей, состоящих в рядах КПСС, – в этом случае плакальщицы отказывали, и это не осуждалось; и наоборот, осуждению подвергались те, кто совершал плач по человеку с сомнительной репутацией, например, подозреваемом в причастности к колдовству.

Плачи были обращены не только усопшему, как в некоторых других севернорусских местностях (Алексеевский, 2007: 267–270), но и к живым. В ходе экспедиции 1942 г. в Усть-Цилемском районе были записаны плачи и о горькой судьбе, которые исполняли плакальщицы о себе. В. Г. Базанов пишет: «Печорские плачи, записанные в 1942 году, свидетельствуют об окончательном отрыве причети от похоронного обряда и о превращении традиционного погребального плача в своеобразное повествование о своей жизни в связи с потерей близкого человека» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 5). В день похорон у гроба усопшего могли оплакать вдову/вдовца или осиротевших детей: *«Человек умрет и покойного оплачут, и вдову или вдовца. Папаша умер Анна Ивановна над гробом мамашу оплакала и та потом благодарила Анну Ивановну, за то что всю жизнь она выплакала ейну. Плакали, чтобы все*

слышали, и для живых плакали – это как поддержка им была» (ПМА 5). Подобные плачи зафиксированы исследователями и в Вологодском крае. Так, она из плакальщиц на вопрос, плачут ли о себе, ответила: «Да ведь все больше ревели о своем горе. И о покойнике когда реवेशь, все больше о себе!» (Ефименкова, 1980: 15). По сути, такие плачи представляют собой семейную историю, через которую раскрываются чувства, переживания членов семьи, развернуто раскрываются судьбы как умершего человека, так и осиротевших людей. В. Г. Базанов усть-цилемские погребальные плачи назвал одной из существенных глав народной энциклопедии – преимущественно энциклопедии женской души, которой народ доверяет свою семейную историю. Через образы «обидушки», «кручинушки», «горькой горюшицы» печорские плачи следует рассматривать как своеобразные повествования о жизни женщины/семьи в связи с потерей близкого человека (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 5.). Таким образом, погребальные плачи были направлены не только усопшим, но и живым, для последних они являлись своеобразной моральной поддержкой и утешением, и признанием, например, как достойной жены/мужа.

Плачи являлись обязательной частью погребального обряда, в них традиционно сообщались обстоятельства смерти, если она была внезапной (об утонувшем, сгоревшем, убитом), или преждевременной, расписывалось семейное благоденствие и его распад; представлялось бытие сирот/горюющих в будущем. По воспоминанию информантов, плакали как умели, не осуждалось, но о мастерах «плачей», которых было значительно меньше, чем знатоков традиционных песен, знали в округе: «Плакали как умели. За это не осуждали. А уж после-то бабы, которы не были на похоронах, уж всегда спросят: оплакивал ле кто покоенку, ле покойного голосом?» (НА КНЦ УрО РАН Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 25). Важнейшая функция плача заключалась в том, что живые обращались к «родителям» с просьбой принять (встретить) новопреставленного в «небесных селениях».

Жители деревни всегда с одобрением констатировали сам факт плача и особенно плач нелюбимой невестки по свекрови или жены по немилостивому мужу. В этом случае говорили: «Невестушка уж уважила свою свекровушку»; «даром шию мужик дерибаватый был, да жсонка оплакала». Следовательно, совершением плача выплакивали горе, нанесенное обидчиком, и выражали ему (ей) прощение, милостиво отпуская их в дальнюю невозвратную дорогу. В частности, на похоронах свекрови невестка по традиции в *плаксах* выплакивала все свое горе, причиненное ей в семье мужа. В плаче это было допустимо, тогда как в разговоре следовало говорить о покойном только хорошее; здесь же выплакивались все огорчения, как, например, в этом тексте:

Ты богоданна да свекрова матушка,
Ты не сознательна, не уважительна,
Неуважительна и необходимительна,
Я не мила тебе да не любя тебе,
Я белым телом себе и делом-работанькой
Никак я не могла тебе унаровить, горе,
У большой семьи да нерассудной,
Во скудном житьи да малоскудным,
Я не нужна-важна тебе, не надобна,
Во добре житьи да я жить негодна,
На работаньку да неудобная.
Не приставаат моя дело-работанька,
Богоданна свекрова матушка,
Богоданная моя да мила Павловна.
Только я нужна-важна да так милой ладе,
Милой ладе, да думе крепкой.

За милу ладу я походилася,
Походилася да я влюбилася
О своего-то да ладу милую,
О своего-то да думу крепкую.
Уж ты жури, брани хошь день и ночь меня,
Распаряй хошь да с ладой милоей,
Разлучай хошь детей сердешных,
Не распарить тебе да с ладой милоей,
Не разлучить да с думой крепкой,
Твое-то да чадо милое,
Твое-то ли дитя мне по круту плечу,
Он по крови да по горячей,
Он по совести да по сусветной,
Он мне по уму да и по разуму,
По сердцу да по ретивому,
Я на его сердце да положила,
Им сердце да я удобрила.
Не того ли я, свекрова матушка,
Хошь ты шумливая, хошь ты громливая,
Ты зубастая, да ты ругатлива,
Ты ругатлива да вечкотливая.
Я не гляжу на тебя, бедна злосчастная,
Я перенесу, бедна да горе злыденна,
Я для лады да все для милоей,
Я для думы да все для крепкой,
Я все стерплю да, горе, все смолчу,
От тебя, моя свекрова матушка.
Не везла столько да лошадь добрая,
Не снесла столько да мать-быстра река,
Сколько я терплю да сколько я несу,
Тебе спасибо ли, свекрова матушка,
Тебе больше спасибо да с благодарностью,
Ты за что меня, бедну, журишь-бранишь,
Ты во всяку да пору-времечко.
Только в ту пору да не бранишь меня,
Когда накатится на тя да крепкий теплый сон,
Только о ту пору да я спокойная,
О ту пору да не браненная (Русская, 1962: 104–105).

В традиционной погребальной обрядности одно из противоречий заключается в упоминании или использовании имени усопшего в ритуальных действиях. Как и повсеместно, в погребально-поминальных плачах терминология представлена заместительной лексикой, наполненной метафорическими заменами, эпитетами и наиболее полно воссоздана в плачах, в которых исследователи также видят магическую силу оберега: «Как обряд стремится скрыть реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, так и обрядовый термин должен “похоронить” опасное, смертоносное имя. Описательная метафорическая лексика здесь субституирует некое постоянное “пустое место” в терминологии» (Седакова, 1983: 204). В сравнении с материалами по родильной обрядности усть-цилёмов новорожденный также воспринимается как «пустое место» – *живулька*, поскольку в традиционном понимании оче-

ловечивание младенца начинается с духовного рождения его в обряде крещения и наречении именем, являющемся важнейшим актом перехода и включения новорожденного в социум (Дронова, 2008: 13). По сути, в плачах ритуальное «снятие» имени знаменовало возвращение человека в природу и отделяло его от мира живых. Но в христианской традиции смерть не является рубежом/пределом в использовании имени усопшего, поскольку жизнь души мыслится вечной, а благая смерть возрастного человека чаще рассматривается как радостное завершение земной жизни, в иных случаях – нередко опечаленное грехами. С этими представлениями и связан запрет на плач над телом усопшего старца/старицы, тогда как не возбранялись «слезы в тай» при поминовении, рассматриваемые как «смывание грехов».

В авторитетных церковных памятниках говорится: плакать надо о собственных грехах, а не над «смердящим телом». В связи с такими воззрениями духовные наставники запрещали исполнять ритуальные плачи, считая их неуместными и даже «богопротивными». Существует и другое (народное) объяснение – душе усопшего тяжело: «Нынче голосить духовные не велят, говорят, будто тяжело покойному» (Печорские причитания, 2013: 139). В старообрядческой традиции имя усопшего заносится в семейный синодик (*помянник*) и зачитывается в поминальные дни. И все же стремление староверов к устройению жизни «по книге» не исключало человеческого чувства, вызванного горем и страхом перед смертью, и здесь срабатывал опыт, обращавший к глубинной памяти – дополнительному использованию средств коммуникации с умершими, каковыми являлись ритуальные плачи, существовавшие параллельно с религиозными обрядами. Одним из объяснений, санкционировавших исполнение плачей, является следующая апокриф: «Плакать в голос и вообще плакать над покойным запрещается. Но Богородица, когда Христа распяли, плакала голосом. Ей было тяжело и она в голос плакала, и стало легче. Вот и стали плакать голосом» (ПМА 6).

Трагизм смерти обостряет понимание того, что чаще всего при жизни умерший человек не был обласкан, не получил должного внимания и в причети плакальщицы как бы восполняют этот жизненный пробел. Посредством заместительной лексики, нежного обращения к умершему причитальщицы передают теплоту своих чувств, подчеркивают значение человека в жизни семьи. К. В. Чистов, рассматривая погребальную причет на севернорусском материале середины XIX в., свидетельствует, что в классификационной системе термины родства не столь архаичны: «родители» – отец, мать; все члены семьи старшего поколения – «батюшко», «матушка»; характерно различие родственников и свойственников: «братец» – родной брат; «братец богоданный» – деверь; «сестрица богоданная» – золовка (Чистов, 1977: 142). В усть-цилемских старообрядческих плачах обыденные метафоры-определители родства дополняются общефольклорными образами-символами: бабушка – *жалослива бабушка, ласкова бабушка*; мать – *кормилца родима матушка, господарыня*; сестра – *сестра родимая*; брат – *брателко, брат-родитель, ясный сокол, солнце красное, солнце обогревное*; дочь/сын – *чадо милое, дитя сердечное, сын – ясный сокол, дочь – лебедь белая*; свекровь – *богоданная свекрова матушка*. Использование архаических метафорических замен имени мужа/отца связано с особым статусом главы семьи не только кормильца, но и человека, занимавшего высшую позицию в семье, обладавшего властью, являвшегося защитником, любимым человеком. В усть-цилемских плачах муж – *дума крепкая, стена камённая, стена городовая, гора высокая, кормилец батюшко, лада милая* – термины, за исключением двух последних, не встречающиеся в севернорусских плачах. Здесь метафоры *дума, стена, гора* и добавленные к ним *крепкая, каменная, высокая* раскрывают значения прижизненного предназначения человека: как обладающего властью, защитника. Фрагменты типичных плачей:

1. Жена по мужу:

Уж дорога ты моя, да лада милая,

Уж дорога моя, да дума крепкая.

А ты ле бросил ле меня, ставил ле.
А ты не во пору меня не вовремя.
А ты оставил ле да не состарил ле.
А я годами-то еще не старая.
Не старая, да не залетная...
А у меня болеть стали да ноги верные.
А у меня болеть стали да руки белые.
А вы все робили, да вы все делали.
А дорога моя, да лада милая
А дорога моя, да дума крепкая.
А ты тиха была да смирёная.
А как жарко лето, да было солнечно.
А пропивал ле ты да золоту казну?
А я не разшумлена была, не разгромлена.
А по чужим людям была не разгонена
А как воля была у меня не унята.
А золота казна была не учитана.
А дорога моя, да ты лада милая.
А ты скорехонько, да ты крутехонько.
А я не чаяла, да ведь то не думала.
А не в уме да не дёржала.
А что расстануся, да распрощаюся.
А разлучила нас, да мать сыра земля.
А мать сыра земля, да гробова доска (НА КНЦ УрО РАН Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 14).

2. Плач по матери:

Красно солнышко закатиться,
Дорогая моя матушка отправится
Во последний путь да во дороженьку,
Во дороженьку да во дальнюю,
Во дальнюю да не возвратную,
По которой никто не выхаживал,
Добрый молодец на белом коне не езживал,
Письмо-грамотки никто не написывал.
Письмо писать – писарей нету,
Письмо нести – нету разносчика.
Дорога моя мати родимая,
Нам не встретиться, не свидеться.
Уж где мы тебя будем разыскивать
Во темном лесу да во сыром бору.
Нам не выискать тебя, не высмотреть
Во большой толпе да во компаньюша.
Будем спрашивать у нанушецы да горяшецы,
Ты не видела ль нашу мати? (ПМА 7)

Особо оценивалась ситуация, когда оплакивали малолетних детей-сирот, оставшихся без матери или лишившихся обоих родителей. Несмотря на развитость общинной жизни и систему помочей у староверов, жизнь вдовы с детьми рассматривалась как сиротство. Об этом свидетельствуют присловья: «С мужем жена – так чисто госпожа, а без мужа жена – так чисто

сирота»; «Худой мужичишко, да притульичко: за него завалюсь, никого не боюсь». Жизнь без мужа в плаче озвучивается не просто тяжелой, а мученической: *«уж я как нонце стану жить позориться, / уж я как стану, горе, маяться»*, вдову традиционно в плачах называли *горюха, горюшица*.

«Я горюха бедна злосчастливая,
Я осталась да разосталась,
Я от лада да я от милой, я от думы да я от крепкой.
Я горька вдова да не мужняя жена,
Я со ребятами горе со малыми,
Со сиротами да со убогими.
Я как стану да век коротати,
Я со малыма детьми да не со взрослыми» (НАНКЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 61).

Дети-сироты в плаче также называются *серы утицы* – сравниваются с птицей, не ставшей на крыло, т. е. беспомощной. Женщина чаще самостоятельно растила детей, тогда как вдовец всегда приводил в дом жену, но при этом дети считались сиротами со сложной неоднозначной судьбой, которую предрекали уже в погребальных плачах:

Он возьмет себе да молоду жену,
Он не мать детям, не родимую,
Он не жалость им да не сердешную.
Он ведь злу-лиху им возьмет мачеху,
Злу растрейщицу возьмет разнощицу.
Они шататься будут и скитаться,
Не обшиты будут, не обмытые,
Не обуты будут, не одетые,
Они нагешенькие будут, босешеньки,
Они завсегда будут да виноватые,
Откуль гроза да не подыметя,
На горьких детей да все опуститься» (НАНКЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 138).

Мужчины-вдовцы говорили о себе: «Лучше трижды обгореть, чем один раз овдоветь», т. е. дом всегда можно отстроить, а человеческую жизнь уже не вернуть. В погребальных плачах звучит различное понимание смерти: в случае внезапной, непредвиденной кончины – это *злодейка, чужая сторона*; когда умирали старцы – *смерточка, смертушка*, названия, вероятно, образованы на основе христианского понимания смерти как блага. Неоднозначно отражен в терминологии и гроб – новый «дом» усопшего, который называется «новой горенкой», «светлой светлицей», «легкой лодочкой», а жилой – «злой хороминой». По хозяйну дома голосила жена, по хозяйке – одна из близких родственников. Голошение по хозяйну дома:

1. Тяжело ты лег, да не поворачиваешься.
Крепко заспал, да не пробуждешься.
На резвы ноги не ставашь.
Очи ясны не открывашь.
Дорогих гостей не встречашь.
Да любого за стол не садишь.
Срядился, да во путь дорожечку.
Путь дорожечка, да не дальняя, не воротная.

Та дорожечка, да печальная.
Сделали тебе, да нову горенку.
Нова горенка, да без щылочек,
Без пазов, да не вынятых.
Светла светлица, да без околенок,
Без кирпичных печей,
Без скрипучих дверей.
С той горенки, да не будет выходу.
Не выходу и не выезду.
На резвых-то ногах ты не выйдешь.
Серой птицей, да не вылетишь.
Письма-грамотки, да не напишешь.
Вести-павести, да не пришьлешь.
Где мы будем тебя разыскивать?
Где мы будем тебя, да распроведывать?
Не найти тебя, да во широких лугах.
Не разыскать тебя, да в темных лесах.
Не увидеть тебя, да во крутых горах (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 5 – 6).

2. Голошение по хозяевам дома:

Вы злы лихи хоромины.
Вы выживчивы, а не разживчивы.
Вы сповыжили, да ладо милое,
Вы сповыжили свою хозяйошку.
Раскатал бы вас, да по бревнышку
И спустил бы вас, да во святу реку.
Пусть несет вас, да напониэ реки
Напониэ реки, да на поплаэ воды.
Во сине море, да ледовитое.
Пусть вас бьют качают, да ледяной водой (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 32).

Погребение усопшего воспринимается христианским сообществом как «восхождение души на небо», «в горные обители», отразившееся в текстах плачей в день погребения. Так, на пути к кладбищу *плачя* голосит:

1. Уж мы несем тебя, да на большу гору,
На большу гору, да на окатисту.
Вы встречайте-ко, родны родители.
Отец с матерью дочь жалимую.
Ты встречайся муж, ладо милое.
Встречай жену любимую (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 17).

В плачах гроб называется также «легкой лодочкой», что указывает на древнейшую традицию погребения в долбленных колодах. В народном мировоззрении уход на «тот» свет связывался с преодолением водной преграды, об этом свидетельствуют факты расположения кладбищ на противоположном берегу реки, вынос щепок от строительства гроба и намогильного памятника на реку (лед). Гроб в обряде «выступает как ритуальный транспорт» (Седакова, 1983: 205).

Ты кормилеча, да ладо милое.
Ты кормилеча, да дума крепкая.
Уж ты бросил, да оставил нас.
В легкой лодочке, да во еловой.
Без веселушка да без грабельного.
Мы куды нынче приставать станём?
К которому да краю-берегу.
Как моя-то гора высокая,
Как моя-то ле стена каменная.
Он годами то стал залетной.
Он волосами то стал сединный (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 17).

Ритуальный плач характеризует надрывность, особенно в «критический час»: во время опускания гроба в могилу. В этом следует видеть не только горечь разлуки, но и установление границы между живыми и мертвыми. Во время исполнения *плаксы* плачею запрещалось прерывать (*плакала сколько могла*), а по окончании, в случае затянувшегося плача ей говорил: «будет (хватит – Т. Д.) себя убивать», «не верезжай (не травмируй – Т. Д.) себя», «всех слез не выплакать». В похоронных плачах состояние горя усиливалось добавлениями слов: «ох тим-неченько», «ойо да ойо», при этом если голошение проходило над гробом, то плакальщица опиралась руками на край гроба: «Ковда голосом плачут, дух переводят, дэж се охтимнеченько скажут – это как горе большо, ановы опетьойо да ойо плачут» (ПМА 8). Погребально-помнальные плачи представляли собой импровизированные поэтические повествования, всестороннее рассмотрение которых не предусмотрено в рамках данной статьи, но полагаю важным привести об этом воспоминание А. П. Разумовой – участницы экспедиции на Печору 1942-го г.: «И, в общем, происходило такое как бы повторение того, что они уже сказали. Но они никогда уже тот плач не повторяют. Они уже скажут другими словами: содержание будет одинаковое, но повторного такого плача уже не записать. У меня такого, конечно, плача, как на самих проводах, не получилось, и не могло получиться ни у кого» (Моя первая экспедиция, 2005: 47–48). Эти слова полностью подтверждены моим личным опытом записи плача о моей маме: когда спустя несколько дней после ее похорон я попросила плакальщиц продиктовать мне исполненные ими тексты, они уже были другими. Еще в 1990-е гг. оплакивание покойного считалось обязательно частью обряда, в ином случае сокрушенно говорили: «Уж никто не оплакал», что отчасти рассматривалось как неуважение к усопшему.

В XXI в. погребально-поминальные плачи становятся уже редким явлением в культуре староверов-беспоповцев Усть-Цильмы. Возрастные информаторы сокрушенно говорят об утрате традиций и одной из причин называют проникновение в сельскую жизнь средств массовой информации, интернета. Представители среднего возраста указывают на то, что люди утрачивают веру в загробную жизнь, стали зажатými, замкнутыми; утрачивается былое застольное общение, сплывавшее людей, а вместе с этим уходит из жизни сельчан и великодушные, желание на обрядовом уровне оказывать поддержку семьям в скорбные для них дни. И между тем в дни похорон, в календарные поминальные даты еще можно услышать традиционные плачи, правда, уже не столь содержательные и продолжительные.

Заключение

Погребально-поминальные плачи являются составной частью традиции, исполнение которых наиболее целостно сохранялось еще в конце XX в. Несмотря на ориентированность староверов «жить по книге», в их культуру тесно вплетены элементы архаических представлений и верований, и традиционные плачи составляют важную и значительную часть. Плачи явля-

ются эмоциональным наполнением обряда, посредством которых символически поддерживается связь между миром живых и миром мертвых. В плачах живые обращались к усопшим «родителям» принять новопроставленного. С утратой веры в загробную жизнь связывается одна из причин затухания традиции. В настоящее время исполнителями являются женщины в возрасте от 70 лет и старше, сокрушенно свидетельствующие об утрате интереса населения к этому жанру.

Список сокращений:

НАКНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Информаторы:

1. Записано от А. М. Бабиковой, 1922 г.р. в д. Чукчино в 2004 г.
2. Записано от Е. К. Паршиной, 1938 г.р. в с. Трусово в 2012 г.
3. Записано от И. И. Петрашовой, 1929 г.р. м/р с. Усть-Цильма, м/з г. Сыктывкар, 2011 г.
4. Записано от Е. А. Бабиковой, 1950 г.р. в д. Чукчино в 2012 г.
5. Записано от И. А. Бабикова, 1940 г.р. в д. Чукчино в 2012 г.
6. Записано от Г. А. Ветриченко, 1947 г.р. в д. Коровий Ручей в 2011 г.
7. Записано от М. Н. Тирановой, 1919 г.р. в с. Усть-Цильма в 1990 г.
8. Записано от А. М. Бабиковой, 1922 г.р. в д. Чукчино в 2004 г.

Литература:

- Адоньева С. Б.** Прагматика фольклора. СПб., 2004. 216 с.
- Алексеевский М. Д.** Севернорусские похоронно-поминальные причитания как акт коммуникации: к вопросу о прагматике жанра // Рябининские чтения 2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 267–270.
- Дронова Т. И.** Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы / науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2008. С. 8–26.
- Дронова Т. И.** Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар, 2019. 280 с.
- Ефименкова Б. Б.** Севернорусская причеть: междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: «Советский композитор», 1980. 392 с.
- Канева Т. С.** Русские причитания Печоры: материалы к аннотированному библиографическому указателю // IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.): сб. науч. ст. в 3 т. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. А. Б. Ипполитова. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2020. С. 53–70.
- Леонтьев Н. П.** Печорский фольклор / сост., ред. и прим. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- «Моя первая экспедиция на Печору – это был 42-й год»** (из воспоминаний А. П. Разумовой). Публикация В. Л. Лурье, А. А. Сенькиной // Живая старина. 2005. № 2. С. 47–48.
- Ончуков Н. Е.** Печорские былины // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 3. С. 349–352.
- Песни Печоры** / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Печорские былины и песни** / зап. и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.
- Печорские причитания и заметки** о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой) / Публикация и комментарии Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 109–146.
- Русская народно-бытовая лирика.** Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962. 598 с.
- Седакова О. А.** Метафорическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983. С. 204–219.
- Толстая С. М.** Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 9–16.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 135–147.

Чистов К. В. Севернорусские причинания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами / отв. ред. Б. В. Путилов. Л.: «Наука», 1977. С. 131–147.

Югай Е. Ф. Актуализация причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9(42). С. 36–49.

Дронова Татьяна Ивановна.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2022 г.

T. I. Dronova

REGULATION OF BURIAL PRACTICES AND FUNERAL LAMENTS OF THE OLD BELIEVERS-BESPOPOVTS OF UST-TSILMA

Using the local tradition of the Old Believers-Bespopovtsy of Nizhnepechora as an example, the characteristics of the late existence of burial and memorial laments in the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic are described. The study draws attention to the rather late research of baptism by folklorists. The collection of the reports was not carried out systematically by different researchers. The 1929 records were published with a commentary only in 2013 and another major publication of the texts collected in 1942 dates from 1962. The reports have been published in other collections with varying degrees of completeness. Particularly in the 21st century, there are also analytical articles. This article examines the liturgical tradition from the perspective of an ethnographic research campaign, focusing on the functioning of the genre, the place, and the role of eulogies in funeral and memorial rites at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The factors contributing to eulogies' introduction into traditional funeral culture are described. The ritual terminology, the stable expressions that are the names of the laments and indicate their fulfillment, and the vocabulary represented in the laments by metaphorical substitutions and epithets are given. The importance of regulating the performance of lamentations in relation to the time of day is analyzed, and the restriction of their performance to certain ages and social groups is also considered. The local peculiarity of the performance of lament songs for the deceased, who showed disrespect to some family members during their lifetime and were abusers, through the lament songs, the unkind actions and deeds of the deceased person are shown. The article was written on the basis of field materials collected by the author in different years in the villages of Ust-Tsilma, as well as on the basis of published materials and archival sources kept in the scientific archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences..

Keywords: *Old Believers-Bespopovts, mourning and memorial laments, lamentations, funeral cries, folk terminology, oral narrative, ritual vocabulary*

References:

Adon'eva S. B. Pragmatikafol'klora [Pragmatics of folklore]. Sankt-Peterburg, 2004. P. 216. (in Russian).

Alekseevskij M. D. Severno-russkie pohoronno-pominal'nye prichitaniya kak akt kommunikacii: k voprosu o pragmatike zhanra [Northern Russian funeral and memorial lamentations as an act of communication: on the question of the pragmatics of the genre] // Ryabininskie chteniya 2007 Materialy V nauchnoj konferencii po izucheniyu narodnoj kul'tury Russkogo Severa. Petrozavodsk, 2007. P. 267–270. (in Russian).

Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradicijah russkih staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my [Birth and up bringing of children in the traditions of Russian Old Believers-Bespopovtsy of Ust-Tsilma] // Detiidetstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my / Nauch. red. T. N. Bunchuk. Syktyvkar, 2008. P. 8–26. (in Russian).

Dronova T. I. Religioznyj kanon i narodnye tradicii staroverov Ust'-Cil'my: formirovanie, sohranenie, evolyuciya [Religious canon and folk traditions of the Old Believers of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution]. Syktyvkar, 2019. 280 p. (in Russian).

- Efimenkova B. B.** Severno-russkaya prichet': mezhdurech'e Suhony i Yuga i verhov'ya kokshen'gi (Vologodskaya oblast'). [Northern Russian berth: the interfluvium of the Sukhona and the South and the upper reaches of the Kokshenga (Vologda region)]. Moskva: «Sovetskij kompozitor», 1980. 392 p. (in Russian).
- Kaneva T. S.** Russkie prichitaniya Pechory: materialy k annotirovannomu bibliograficheskomu ukazatelyu [Russian lamentations of Pechora: materials for an annotated bibliographic index] // IV Vserossijskij kongress fol'kloristov (Tula, 1–5 marta 2018 g.): sb. nauch. st. v 3 t. T. 3: Kompleksnye issledovaniya tradicionnoj kul'tury / sost.: V. E. Dobrovol'skaya, A. B. Ippolitova; otv. red. A. B. Ippolitova. Moskva: GRDNT imeni V. D. Polenova, 2020. P. 53–70 (in Russian).
- Leont'ev N. P.** Pechorskij fol'klor [Pechora folklore] / sost., red. i prim. V. M. Sidel'nikova. Arhangel'sk, 1939 (in Russian).
- «Moya pervaya ekspediciya na Pechoru – eto byl 42-j god»** (iz vospominanij A. P. Razumovoj). Publikacija V. L. Lur'e, A. A. Sen'kinoj [“My first expedition to the Pechora was the 42nd year” (from the memoirs of A. P. Razumova)]. Zhivaya starina. 2005. № 2. P. 47–48 (in Russian).
- Onchukov N. E.** Pechorskie byliny [Pechora epics] // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1902. Vol. 7. Kn. 3. P. 349–352 (in Russian).
- Pesni Pechory** [Songs of the Pechora] / izd. podgot. N. P. Kolpakova, F. V. Sokolov, B. M. Dobrovol'skij. Moskva; Leningrad, 1963. (in Russian).
- Pechorskie byliny i pesni** [Pechora epics and songs] / zap. isost. N. P. Leont'ev. Arhangel'sk, 1979. (in Russian).
- Pechorskie prichitaniya i zametki** o pohoronnomobryade v zapisyah ekspedicii GIII 1929 g. (iz polevyh dnevnikov A. M. Astahovoj). [Pechora lamentations and notes about the funeral rite in the records of the GIII expedition of 1929 (from the field diaries of A. M. Astakhova)] / Publikacija i komentarii T. S. Kanevoj // Iz istorii russkoj fol'kloristiki. Vyp. 8. Sankt-Peterburg, 2013. P. 109–146 (in Russian).
- Russkaya narodno-bytovaya lirika.** Prichitaniya Severnogo kraya v zapisyah V. G. Bazanovai A. P. Razumovoj 1942–1945 gg. [Russian folk-everyday lyrics. Lamentations of the Northern Territory in the notes of V. G. Bazanov and A. P. Razumova 1942–1945]. Moskva; Leningrad, 1962. 598 p. (in Russian).
- Sedakova O. A.** Metaforicheskaya leksika pogrebal'nogo obryada. Materialy k slovarju [Metaphorical vocabulary of the funeral rite. Materials for the dictionary] // Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii. Moskva: Nauka, 1983. P. 204–219 (in Russian).
- Tolstaya S. M.** Zvukovoj kod tradicionnoj narodnoj kul'tury [Sound code of traditional folk culture] // Mir zvuchashchij i molchashchij: semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavyan / Otv. red. S. M. Tolstaya. Moskva, 1999. P. 9–16 (in Russian).
- Tolstaya S. M.** Obryadovoe goloshenie: leksika, semantika, pragmatika [Ritual voice-voicing: vocabulary, semantics, pragmatics] // Mir zvuchashchij i molchashchij: semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavyan / Otv. red. S. M. Tolstaya. Moskva, 1999. P. 135–147 (in Russian).
- CHistov K. V.** Severnorusskie prichitaniya kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskoj sem'i XIX veka [Northern Russian Causes as a Source for Studying a Peasant Family in the 19th Century] // Fol'klor i etnografiya: svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami / Otv. red. B. V. Putilov. L.: «Nauka», 1977. P. 131–147 (in Russian).
- Yugaj E. F.** Aktualizaciya prichitaniya: vzglyad prichital'shchicy na improvizaciju v konce XX–XXI v. [Actualization of lamentation: a lamenter's view of improvisation at the end of the 20th–21st centuries]. // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie.». 2018. № 9(42). P. 36–49 (in Russian).

Dronova Tatyana Ivanovna.

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher.

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS.

Kommunisticheskaya Str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru